

О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии нашей эры

А.А. Казаков¹, О.М. Казакова²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

On Centers of Culture Genesis in the South of Western Siberia in the First Millenium A.D.

A.A. Kazakov¹, O.M. Kazakova²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russia)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматриваются исторические процессы, протекавшие на юге Западной Сибири в первом тысячелетии нашей эры. Основное внимание сосредоточено на выявлении наиболее ранних памятников зарождающихся новых археологических культур, которые позволяют выявить ареалы их формирования. Выдвинута гипотеза о пост-кулайском культурном пространстве как базовой основе, способствующей распространению вновь сформированных археологических культур. Представлена авторская точка зрения на пути сложения основных культурообразующих признаков одинцовской, майминской, сrostкинской и басандайской археологических культур, ставших впоследствии основными культурами, определяющими ход исторического развития огромного региона — Западной Сибири. На основании анализа точек зрения авторов базовых публикаций выдвигается гипотеза об основных культурных компонентах, лежащих в основе вновь сформированных археологических культур и путях их распространения на более широкие территории из региона формирования. Выделен основной очаг культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии — предгорья Алтайского края, принята попытка объяснения этого феномена.

Ключевые слова: культурогенез, археологическая культура, миграции, ареал, аборигены, ассимиляция, диффузия, эволюция.

DOI 10.14258/izvasu(2016)4-40

Этнокультурные процессы, проходящие на территории юга Западной Сибири в I тысячелетии, вызывают живой интерес исследователей. Это связано с эпохальными изменениями сути

The article examines the historical processes that took place in the South of Western Siberia in the first millennium AD. It primarily focuses on identifying the earliest sites of newly formed archaeological cultures that help to find out their areas of formation. It suggests a hypothesis about post-Kulaiskaya culture space as a basis for the development of newly formed archaeological cultures. The authors present their point of view on the way of developing basic cultural traits of such archaeological cultures as Odintsovo, Maima, Srostky and Basandajsk, which later became the major cultures determining the course of historical development in the vast region of Western Siberia. On the basis of analyzing different authors' points of view in their major publications a hypothesis on the major cultural components of the newly formed archaeological cultures and ways of their spreading is put forward. The main center of culture genesis in the South of Western Siberia — the foothills of the Altai territory — is chosen, and the authors give explanation to their choice.

Key words: culture genesis, archaeological culture, migration, area, aborigines, assimilation, diffusion, evolution.

исторических событий в этом регионе, характеризующимися переходом к эпохе раннего Средневековья, ассоциирующейся с началом гунно-сарматской эпохи и появлением первых этнополитических

образований, находящихся на стадии зарождения государственности и объединяющих в своем составе различные этнокультурные группы населения.

Подобный эпохальный переход неизбежно должен сопровождаться сменой облика археологических культур, особенно находящихся в зоне влияния раннегосударственных образований или граничащих с ними. Юг Западной Сибири как раз и является такой «контактной зоной», а потому изучение исторических процессов в этом регионе приобретает особую актуальность.

Не вдаваясь в вопросы теории культуuroгенеза, которые подробно рассматриваются в рамках культуuroлогии, попробуем выделить на основе археологических источников ареалы формирования археологических культур на территории юга Западной Сибири в I тыс. н. э.

Любая археологическая культура не появляется в готовом виде. Ее формирование — достаточно длительный процесс, происходящий в результате как внутреннего развития (эволюция), так и влияния, проникновения инокультурных элементов (диффузия). Причем эволюционное, внутреннее развитие археологической культуры протекает достаточно длительно, в то время как культурное взаимодействие приводит к смене культуuroобразующих признаков в короткий хронологический период.

Не отрицая внутренней эволюции археологической культуры, отметим, что с освоением новых средств коммуникации (верховая лошадь, колесо и т.п.) контакты различных культурных групп становятся более интенсивными, а роль диффузии в формировании новых археологических культур значительно возрастает. В этом контексте в определенном регионе и в определенное время новая археологическая культура появляется в результате следующих возможных процессов:

1. Миграции пришельцев и вытеснения аборигенного населения. В результате мы наблюдаем смену культурного облика региона и появление существующей археологической культуры, носителями которой являются мигранты, на новом месте, в новом регионе.

2. Миграции и ассимиляции аборигенного населения мигрантами, в результате которой культура мигрантов обогащается новыми чертами, присущими представителям аборигенной культуры.

3. Миграции и ассимиляции мигрантов аборигенным населением, в результате которой культура аборигенного населения обогащается элементами культуры мигрантов.

4. Взаимовлияния на одной территории различных культурных традиций, их смешения

и трансформации основных культуuroобразующих признаков.

Первый процесс приводит к смене культурного облика всего региона в короткий хронологический период, преемственности в культурных традициях между пришлым и аборигенным населением не прослеживается.

Второй и третий типы процессов приводят к эволюционной трансформации культуuroобразующих признаков либо мигрантов, либо аборигенного населения и в итоге к трансформации всего облика археологической культуры, фиксируемого либо в смене различных этапов эволюционного развития, либо в смене (что значительно реже) всего культурного облика и появлению новой археологической культуры.

Четвертый процесс является наиболее сложным. Его итогом, как правило, является формирование новых культуuroобразующих признаков и появление новой археологической культуры. Именно этот процесс и понимается нами как культуuroгенез.

Говоря о территории Западной Сибири в начале I тыс., мы можем наблюдать огромный регион распространения памятников кулайской культурно-исторической общности (ККИО).

Центром ее формирования, очагом культуuroгенеза, принято считать таежные просторы Нарымско-Сургутского Приобья, где локализованы памятники первого, раннекулайского (васюганского) этапа. Время формирования — VI в. до н.э. [1, с. 120]. Кулайская культурно-историческая общность относится к кругу археологических культур раннего железного века.

Не останавливаясь подробно на процессах, приведших к появлению кулайской культурно-исторической общности, которые хорошо освещены в работах Л.А. Чиндиной [1, 2], следует отметить, что культура получилась не просто жизнестойкая, а даже очень активная, и представители этой культуры распространили свое влияние на огромные просторы Западной Сибири. На севере это Нижнее Приобье вплоть до Обской губы, на юге верховья Оби, на юго-востоке — до Чулымской лесостепи, на западе — правобережье нижнего и среднего Иртыша, на юго-западе — междуречье рек Оми и Тары [1, с. 123].

Пожалуй, ни до, ни после на территории Западной Сибири не было столь крупного единокультурного пространства как в широтном, так и в меридиональном направлениях.

Особенностями распространения кулайской культуры можно считать, то что она появлялась в различных регионах посредством миграции носителей культуuroобразующих признаков, когда мигранты смешивались с местным населе-

нием, обогащаясь их культурными традициями. Отсюда и огромное множество различных локальных вариантов кулайской культурно-исторической общности, которые выделяются практически в каждом регионе.

На территорию лесостепного Алтая первые эпизодические проникновения представителей кулайской культурно-исторической общности по археологическим материалам фиксируются во II в. до н.э. — рубеже эр, что прослеживается по материалам археологических памятников, однако серьезного влияния на развитие местных культур раннего железного века они не оказали.

В первых веках нашей эры можно говорить о второй волне расселения кулайских племен, культура которых, наложившись на различные местные традиции (каменная, березовская, быстрянская) археологических культур раннего железного века [3–6], в сочетании с другими инокультурными элементами, в одних случаях привела к формированию новых культур, таких как майминская (основа быстрянская [7, с. 167]) в предгорьях, датированная предварительно концом I тыс. до н.э. — первой половиной I тыс. н.э. [7, с. 166]. В других — сами трансформировались в один из этапов развития кулайской культурно-исторической общности, получивший название фоминского, смешавшись с традициями староалейской и каменной культур [8, с. 45; 9, с. 79; 10, с. 172–173].

В одном случае, приведем к формированию майминской культуры, мы можем говорить о процессе культурогенеза, в двух других — о трансформации культурообразующих признаков в рамках единой культурной общности путем ассимиляции местного населения пришлым с обогащением культуры мигрантов новыми чертами, присущими представителям аборигенной культуры.

В последующем на посткулайском пространстве появляются одинцовская [11] и рёлкинская [2, с. 69] археологические культуры, причем в формировании рёлкинской культуры не последнюю, а возможно, и решающую роль сыграл одинцовский компонент [2, с. 77]. Ареал распространения одинцовской культуры охватывает верхнее Приобье (Алтайский край и Новосибирская область) [11], рёлкинской — среднее Приобье (Томская и север Новосибирской области) [2].

К новой археологической культуре можно отнести и майминскую. Основным компонентом, который подвергся инокультурному влиянию, является быстрянская культура, трансформации которой в новую, майминскую, способствовал инокультурный компонент из райо-

нов Горного Алтая [12, с. 3]. В целом соглашаясь с мнением М.Т. Абдулганеева, нельзя отрицать и влияния кулайского компонента на формирование майминской культуры [13, с. 71], что впоследствии признается и М.Т. Абдулганеевым [7, с. 166].

Лачиновская культура Кузнецкой котловины, возникшая также на кулайско-фоминской основе под влиянием культурных традиций с востока, судя по имеющимся опубликованным материалам, в культурном отношении ближе к рёлкинской культуре [14].

Общие черты, выделяемые в различных культурообразующих признаках археологических культур эпохи раннего Средневековья Верхней Оби и Кузнецкой котловины (одинцовская, рёлкинская, лачиновская), всеми объясняются однозначно — формированием этих культур на единой кулайской основе. В этом случае можно говорить об их определенном родстве, но об общности формирования говорить нельзя.

Время культурогенеза новых археологических культур косвенно подтверждает тезис о решающей роли одинцовского компонента в формировании рёлкинской культуры. Первая сформировалась во второй половине IV в. — первой половине V в. [11, с. 136], вторая — в VI в. [2, с. 67]. Время же бытования памятников последнего этапа развития кулайской культурно-исторической общности маркируется временем появления рёлкинской культуры.

Будучи в культурном родстве, вновь сформированные одинцовская (основа — фоминско-кулайская), лачиновская (основа — фоминско-кулайская) и рёлкинская (основа кулайская) археологические культуры распространились по всему ареалу кулайской культурно-исторической общности, впитывая в себя культурные особенности регионов и распадаясь на локальные варианты. Об исторических судьбах майминской археологической культуры в связи с крайне слабой ее изученностью говорить преждевременно.

Говоря о культурогенетических процессах, приведших к формированию рёлкинской археологической культуры, о центре ее культурогенеза, можно назвать территорию Томской области.

Если говорить о центре культурогенеза одинцовской археологической культуры, то он расположен в Верхнем (Барнаульско-Бийском) Приобье, а точнее, в низовьях Бии и верховьях Оби, очерчивается ареалом распространения памятников сошниковского этапа одинцовской культуры [11]. Именно этот регион является центром культурогенеза одинцовской культуры, которая затем по родственной культурной основе (кулайско-фоминской) распространилась на север, являясь одним из компонентов, приведших к появлению рёлкинской

культуры в Томском Приобье. Причем в формировании одинцовской культуры определяющая роль принадлежит западному, гуннскому компоненту.

В это же время культурный импульс с востока приводит к формированию на Средней Томи валиковых традиций, которые, наложившись на кулайско-фоминский компонент Кузнецкой котловины, привели к формированию лачиновской археологической культуры, которая подобным же образом, распространяясь по родственному кулайскому субстрату, совместно с одинцовской сгенерировала появление в Томском Приобье рёлкинской археологической культуры [14, с. 182].

Таким образом, мы видим, что на рубеже веков — в первых веках нашей эры — новая археологическая культура (майминская) появилась в междуречье нижнего течения рек Бии и Катунь, в III–IV вв. новая археологическая культура (одинцовская) сформировалась в нижнем течении Бии и Катунь и верхнем течении Оби. Здесь мы наблюдаем два очага культуругенеза, достаточно ограниченных и не очень больших по площади.

Дальнейшее развитие региона (с V в.) протекало по эволюционному пути, вплоть до VIII–IX вв., когда на смену одинцовской культуре приходит сrostкинская.

Кочевые кимако-кыпчакские и тюркские культурные традиции, наложившись на местный одинцовский субстрат, привели к формированию новой археологической культуры — сrostкинской, которая тем же путем, по генетически родственному субстрату — одинцовско-рёлкинско-лачиновскому — распространилась и на другие регионы.

И опять мы наблюдаем, что центром культуругенеза основных культуруобразующих признаков сrostкинской культуры является территория лесостепного Алтая! Памятники наиболее раннего, инского этапа (вторая половина VIII — первая половина IX в.) маркируют регион ее формирования (культуругенеза). Приобское плато от предгорий Алтая до Новосибирской области является тем регионом, где происходило формирование будущего сrostкинского объединения [15, с. 55–56].

Публикация в последние годы большого блока новых источников могильников рубежа 1-го и 2-го тысячелетий [16–19] поставила вопрос о выделении и месте формирования еще одной археологической культуры — басандайской. Наиболее ранний памятник этой культуры (могильник Осинки), знаменующий начальные этапы ее существования и маркирующий очаг культуругенеза, расположен в верховьях Оби, на берегу оз. Шибаево Усть-Пристанского

района Алтайского края [16, с. 9], датируется серединой IX в. [16, с. 37].

К сожалению, материалы могильника Горный 10, относящегося к этому же хронологическому периоду, до сих пор не опубликованы, поэтому о его культурной принадлежности говорить пока рано. Однако имеющиеся у нас сведения позволяют отнести его либо к последнему, тимирязевскому этапу одинцовской культуры, либо к начальному этапу становления басандайской, так как местный одинцовский субстрат является в материалах этого могильника доминирующим. В любом случае наличие либо наиболее позднего памятника одинцовской культуры, либо одного из наиболее ранних басандайской на правобережье Катунь, недалеко от ее слияния с Бией, позволяет включить этот регион в ареал формирования (культуругенеза) басандайской культуры.

Подобное развитие событий не противоречит, а только подтверждает точку зрения Д.Г. Савинова, А.В. Новикова и С.Г. Рослякова о регионе формирования басандайской культуры — Барнаульско-Бийское Приобье, которая затем распространилась в северном направлении [16, с. 339].

Признавая достаточно смелым положение о формировании двух археологических культур (сrostкинской и басандайской) в одно время в одном географическом регионе (лесостепной Алтай), не будем забывать, что это достаточно обширные пространства, совмещающие разные экологические ниши (северо-запад — степи, юг — достаточно большие лесные массивы). Признавая, что одним из факторов формирования как той, так и другой археологической культуры являются представители кочевого кимако-кыпчакского объединения [16, с. 36], можно предположить, что на северо-западных территориях лесостепного Алтая, в ареале формирования сrostкинской культуры, это влияние, в связи с освоением мигрантами знакомой им экологической ниши — степной, — было более сильным. Миграция пришлых племен носила более массовый характер, и местные одинцовские культурные традиции подверглись большей ассимиляции, что привело к формированию сrostкинской археологической культуры.

Более южные регионы — верхнее течение Оби и нижнее течение Бии и Катунь — несколько иная экологическая ниша, характеризующаяся значительно большей облесенностью и наличием, крупных лесных массивов, не характерных для ведения привычных форм хозяйства степняками, обусловила меньший приток мигрантов в эти регионы и, как следствие, меньшей трансформации культуруобразующих

признаков местного, поздеодинцовского населения, что привело к формированию басандайской культуры.

Это объясняет более выраженный аборигенный (одинцовский) облик басандайской культуры и более трансформированные, почти полностью ассимилированные местные (одинцовские) традиции в облике сrostкинской культуры.

Дальнейшие исторические судьбы этих археологических культур — тема другого научного исследования.

Таким образом, на протяжении всего первого тысячелетия достаточно локальная территория нижнего течения Бии и Катуня, верхнего течения Оби является центром, очагом культуросгенеза новых археологических культур, определявших культурный облик юга Западной Сибири на протяжении всего первого тысячелетия и начала второго.

В этом регионе прошли культуросгенетические процессы, приведшие к формированию четырех новых археологических культур — маймин-

ской, одинцовской, сrostкинской и басандайской. Причем, если майминскую культуру можно рассматривать как достаточно закрытую, существенно не повлиявшую на культурный облик сопредельных территорий, то одинцовская, сrostкинская и басандайская археологические культуры в своем развитии на протяжении достаточно длительного периода являлись основными для обширнейшего региона — юга Западной Сибири.

Причины, послужившие толчком к началу культуросгенеза, и культурные компоненты, легшие в основу новых археологических культур, необходимо изучать и дальше, именно здесь очень много невыясненных вопросов, это темы для дальнейших исследований.

Одной из этих причин, по мнению автора, является сосредоточение на локальной территории различных экологических ниш, что облегчило и обусловило контакты различных групп населения с различными культурно-хозяйственными типами.

Библиографический список

1. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. — Томск, 1984.
2. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). — Томск, 1991.
3. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — М.; Л., 1956.
4. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. — Барнаул, 1994.
5. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребение кулайской культуры на памятнике Кармацкий в Барнаульском Приобье // Игорь Геннадьевич Глушков : сборник научных статей / ред. колл. В.И. Молодин, Н.В. Коноплина, Т.Н. Глушкова. — Ханты-Мансийск, 2012. — Ч. 3.
6. Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плеса 2) // Погребальный обряд древних племен Алтая / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. — Барнаул, 1996.
7. Абдулганеев М.Т. Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибуция земельных поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.Л. Кунгурова. — Барнаул, 1998.
8. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1979.
9. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1998.
10. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в 6 в. до н.э. — 2 в. н.э. (по данным грунтовых могильников). — Барнаул, 2008.
11. Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. — Барнаул, 2014.
12. Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири / под ред. Л.М. Плетнёвой. — Томск, 1993.
13. Казаков А.А., Демин М.А. Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая / отв. ред. В.Н. Елин. — Горно-Алтайск, 1992.
14. Казаков А.А. О культурной принадлежности памятников эпохи раннего средневековья Кузнецкой котловины // Древние поселения Алтая / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.Л. Кунгурова. — Барнаул, 1998.
15. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. — Барнаул, 2011.
16. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). — Новосибирск, 2006.
17. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). — Томск, 1997.
18. Беликова О.Б. Среднее Причумылье в 10–13 вв. — Томск, 1996.
19. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. — М., 2002.